

Новая книга о Тургеневѣ

(H. G. Salonen. Die Landschaft bei I. S. Turgenev. Helsingfors, 1915, S. 1—355).

На протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ русская литература несла тяжелое иго чужеземныхъ вліяній. Она переживала воздѣйствіе восточныхъ и западныхъ литературъ, которыя часто давали ей форму и содержаніе, а также опредѣляли основные пути ея литературнаго развитія. Но вмѣстѣ съ этимъ, уже на зарѣ русской жизни, въ ней зародилось и самостоятельное начало, которое отражало въ себѣ самобытныя стихіи нарождающейся русской культуры. Эта національная струя находила свое выраженіе въ отдѣльныхъ литературныхъ произведеніяхъ, которыя въ свою очередь оказали извѣстное вліяніе на творчество сосѣднихъ народовъ. Правда, литературные факты такого рода единичны, но они могутъ быть отмѣчены въ различные періоды не только новой, но и древней русской литературы. По мѣрѣ поступательнаго движенія впередъ, самобытная область русскаго національнаго творчества росла и ширилась. Впрочемъ, лишь въ теченіе XVIII и XIX столѣтій она настолько окрѣпла, что не только сбросила тяжкія цѣпи иноземнаго рабства, но и сама уже начала оказывать могучее вліяніе на литературы Западной Европы. Между прочимъ, въ этомъ отношеніи, какъ отдѣльный примѣръ, особенный интересъ представляетъ превосходный очеркъ К. Тиандера, который вошелъ во второй выпускъ его „Дат-

ско-русскихъ изслѣдованій“ (Спб. 1913 г.) и называется— „Къ вопросу о международномъ значеніи Тургенева“ (гл. VI, стр. 49—288). Въ немъ авторъ подробно изслѣдуетъ вопросъ о вліяніи Тургенена на датскую литературу. Въ конечномъ итогѣ онъ приходитъ къ тому, весьма знаменательному для русской литературы, выводу, что „70-е годы прошлаго вѣка могутъ быть прозваны *тургеневскимъ періодомъ датской литературы*“ (275). Яркимъ показателемъ того же отраднаго поворота въ судьбахъ нашей литературы является и тотъ научный интересъ, который она продолжаетъ возбуждать въ средѣ иностранныхъ ученыхъ. Въ этомъ отношеніи особенно счастливы послѣднія пять-шесть лѣтъ, когда появилось нѣсколько крупныхъ трудовъ на иностранныхъ языкахъ, посвященныхъ вопросамъ русской литературы. Среди нихъ и книга финскаго ученаго H. G. Salonen'a „Die Landschaft bei I. S. Turgenev“ („Ландшафтъ въ произведеніяхъ И. С. Тургенева“), на которой мы рѣшаемся остановить теперь свое вниманіе. Она представляетъ собою диссертацию, за которую авторъ получилъ ученую степень доктора философіи, и первоначально была написана на финскомъ языкѣ, а затѣмъ переведена лекторомъ Гельсингфорскаго университета Dr. G. Schmidt'омъ на нѣмецкій языкъ. Вопросъ, который затрогиваетъ это изслѣдованіе, является почти совершенно новымъ и мало разработаннымъ въ ученой русской литературѣ. Это обстоятельство въ значительной степени увеличиваетъ интересъ къ этой книгѣ и понуждаетъ обратить на нее особенное вниманіе. вмѣстѣ съ этимъ этотъ трудъ невольно вызываетъ въ русскомъ читателѣ искреннее чувство благодарности къ его автору, который съ глубокимъ расположеніемъ относится къ русской литературѣ и съ особенной симпатіей къ изучаемому писателю.

Обращаясь къ подробному обзору этого труда, мы

оставимъ въ сторонѣ критическія замѣчанія, которыя вызываетъ методологическая сторона изслѣдованія, а также отдѣльныя мѣста книги, а сосредоточимъ свое главное вниманіе на краткомъ изложеніи наиболѣе интересныхъ отдѣловъ ея, преимущественно—на теоретическихъ разысканіяхъ автора въ области изучаемаго вопроса. Къ сожалѣнію, размѣры журнальной замѣтки заставляютъ насъ обойти молчаніемъ многочисленные примѣры, которыми авторъ иллюстрируетъ свои взгляды и предположенія.

Вся книга г. Salonen'a состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) Введение (Einleitung). 2) Предшественники и современники Тургенева въ области русскаго ландшафта (Die Vorläufer und Zeitgenossen Turgenovs aux dem Gebiet der russischen Landschaftschilderung). 3) Развитие и направление ландшафта Тургенева (Entwicklung und Richtung der Landschaftschilderung Turgenovs). 4. Пейзажи Тургенева (Die Landschaften Turgenovs). 5) Заключение (Schlusswort). 6) Литература предмета (Literatur). Центральною частью изслѣдованія является четвертый отдѣлъ: „Пейзажи Тургенева“, на которомъ мы и остановимся болѣе подробно, однако скажемъ нѣсколько словъ и объ остальныхъ.

Введение (1—5) г. Salonen посвящаетъ выясненію задачъ и цѣлей своего труда. Авторъ заявляетъ, что его изслѣдованіе не даетъ исчерпывающаго разбора описаній ландшафта Тургенева, но является попыткой лишь частично разбраться въ данной области и въ этомъ отношеніи представляетъ изложеніе только наиболѣе характерныхъ сторонъ его собственныхъ взглядовъ на этотъ вопросъ. Поэтому онъ останавливается на изученіи пейзажей преимущественно въ болѣе замѣчательныхъ произведеніяхъ Тургенева: въ его рассказахъ, романахъ и повѣстяхъ, и только изрѣдка ссылается на остальные. Обращаясь къ ближайшей формулировкѣ своихъ методологическихъ приемовъ,

г. Salonen объясняетъ, что онъ понимаетъ подъ ландшафтомъ (Landschaft) и подъ описаніемъ ландшафта (Landschaftschilderung), т.-е. въ какомъ значеніи онъ употребляетъ эти выраженія въ своемъ изслѣдованіи.

Описание ландшафта (Landschaftschilderung) стоитъ въ непосредственной и неразрывной связи съ описаніемъ природы (Natureschilderung), но между этими объектами существуетъ значительная разница. Съ одной стороны, описание ландшафта имѣетъ болѣе узкія рамки, нежели описание природы, съ другой—наоборотъ, болѣе широкія. Описание природы охватываетъ, какъ описание и научное, все вообще явленія небеснаго свода: воздухъ, землю и моря, рѣже—явленія природы въ широкомъ смыслѣ слова, какъ вселенной. Разница между этими понятіями заключается еще и въ томъ, что при изображеніи ландшафта художникъ ограничивается описаніемъ болѣе узкаго круга явленій природы: онъ обрисовываетъ не только встрѣчающіеся по временамъ предметы и явленія природы, какъ таковой, но изображаетъ то опредѣленное цѣлое, составленное изъ нѣсколькихъ картинъ природы, которое человекъ видитъ въ опредѣленный моментъ и получаетъ извѣстное эстетическое впечатлѣніе—это и есть то, что называется ландшафтомъ. Поэтому внѣшній міръ въ описаніи ландшафта имѣетъ значительно болѣе узкія границы, чѣмъ въ описаніи природы. Но, съ другой стороны, въ ландшафтѣ внѣшній міръ представляется въ болѣе широкомъ видѣ, чѣмъ въ описаніи природы, именно, тѣмъ, что въ рамкахъ ландшафта могутъ быть обрисованы не только явленія собственно первобытной природы, но также и природы, на которой отразилось вліяніе культурной жизни. Все явленія такого рода во всемъ объемѣ входятъ въ ландшафтъ, какъ отдѣльныя части. Болѣе того: и человекъ можетъ найти себѣ мѣсто въ рамкахъ ландшафта; онъ входитъ въ него,

или какъ факторъ, какъ отдѣльная часть его, или же находится внѣ ландшафта въ качествѣ простаго зрителя. Главная задача г. Salonen'a и заключается въ томъ, чтобы, съ одной стороны, описать каждый ландшафтъ, какъ таковой, именно, такъ, какъ самъ писатель видѣлъ и представлялъ его, или—какъ смотрѣли на него дѣйствующія лица въ его произведеніяхъ, а, съ другой стороны, показать художественную цѣль ландшафта, т.-е. выяснить эстетическое отношеніе между ландшафтомъ и человѣкомъ и вмѣстѣ съ этимъ рѣшить вопросъ о томъ, какъ выражалось чувство природы самого писателя и выведенныхъ имъ типовъ. Но авторъ принимаетъ во вниманіе не только эту художественную и эстетическую сторону изученія предмета, но также рассматриваетъ ее въ свѣтѣ литературной критики и опредѣляетъ ея отношеніе къ исторіи литературнаго развитія этого взгляда. Эта послѣдняя задача въ изслѣдованіи автора стоитъ на первомъ мѣстѣ, такъ какъ лишь послѣ историческаго обзора путь его собственныхъ разысканій будетъ вполне яснымъ.

Въ отдѣлѣ, озаглавленномъ: „Предшественники и современники Тургенева въ области русскаго ландшафта“ (6—40), авторъ бросаетъ общій взглядъ на главныя направленія западно-европейской литературы—псевдо-классицизмъ, сентиментализмъ, романтизмъ—и останавливается преимущественно на отношеніи этихъ литературныхъ теченій къ природѣ. Создателями чувства природы слѣдуетъ считать Петрарку въ Италіи, Руссо во Франціи, Гете въ Германіи, Байрона и Шелли въ Англіи. Но имя Руссо въ этомъ перечнѣ должно быть названо на первомъ мѣстѣ. Когда онъ проповѣдовалъ возвращеніе къ первобытной природѣ и указывалъ на то, какая великая пропасть лежитъ между природой и человѣкомъ, то этимъ самымъ онъ нанесъ смертельный ударъ т. н. ложно-классицизму, именно тому на-

правленію, которое сковывало строгими правилами и предписаніями формы литературнаго творчества, и подь вліяніемъ котораго вкусъ того времени къ простой природѣ находился какъ бы въ охлажденномъ состояніи. Торжественныя оды, героическія поэмы и высокія трагедіи были тогда, во времена этой сверхкультуры, господствующими формами художественнаго творчества. Впрочемъ, въ то время процвѣтала также и идиллія, которая именно, въ формѣ буколическихъ стихотвореній, представляла выраженіе сентиментальнаго чувства къ природѣ. Въ этихъ поэтическихъ формахъ чувство природы проявлялось уже въ болѣе чистомъ видѣ, но имѣло въ виду, главнымъ образомъ, ласкающую и веселую красоту природы. Псевдо-классицизмъ смѣняется эпохой сентиментальнаго романтизма, когда описанія природы, хотя и расширились въ области содержанія и прониклись теплотою чувства, но ихъ стиль продолжалъ носить въ себѣ еще черты псевдо-классическихъ произведеній. Разница была только въ томъ, что сентиментально-романтическое описаніе природы отражало въ себѣ вкусы уже новой эпохи. Появился интересъ ко всему „романтическому“ въ природѣ: къ дикимъ и печальнымъ явленіямъ природы. Въ то время, какъ писатели древности и ложно-классической эпохи описывали цвѣтущую, веселую, идиллическую природу, вообще мирныя явленія природы, любимыми ландшафтами поэтовъ-романтиковъ являлись печальныя и мрачныя картины ночи Юнга, Грея и Оссіана. Въ то время, какъ классическіе пейзажи обыкновенно освѣщались золотистыми лучами солнца, въ романтическомъ же ландшафтѣ выступаетъ блѣдный, таинственный свѣтъ мѣсяца. Кромѣ того, описаніе природы становится теперь болѣе детальнымъ и точнымъ. Писатели сентиментально-романтической школы между природой и человѣкомъ видятъ глубокую внутреннюю связь: они чувствуютъ себя,

какъ одно цѣлое съ природою, и находятъ въ ея явленіяхъ картинное отраженіе ихъ собственной душевной жизни. Человѣкъ, какъ субъектъ, растворяется въ природѣ, являющейся объектомъ; индивидуальное и универсальное гармонически соединяется между собою.

Тотъ же процессъ литературнаго развитія происходилъ и въ русской литературѣ. Пока здѣсь господствовалъ псевдо-классицизмъ, описанія природы являлись только въ формѣ мифологической и аллегорической символики и изображали только свѣтлыя идиллическія стороны природы. Послѣ ложно-классицизма слѣдуетъ сентиментальный романтизмъ, типичными выразителями котораго были Карамзинъ и Жуковскій, изъ которыхъ первый былъ представителемъ т. н. сентиментальнаго романтизма, а второй — романтическаго идеализма. Но предметомъ псевдо-классическаго, отчасти также и сентиментально-романтическаго изображенія природы являлась пышная, величественная природа юга. Ровная великорусская природа сравнительно мало привлекала писателей этихъ направленій. Первымъ русскимъ поэтомъ, который вполне объективно и художественно изображалъ простой, бѣдный великорусскій ландшафтъ во всей его безвкусной будничности и раскрывалъ его внутреннюю прелесть, былъ Пушкинъ. Отъ этого великаго художника черезъ промежуточные ступени, на которыхъ стоятъ почти исключительно звѣзды первой величины, именно черезъ посредство Лермонтова, Тютчева, Гоголя, С. Аксакова, Гончарова, Л. Толстого, Григоровича, пейзажъ, какъ составная часть художественнаго творчества, доходитъ и до Тургенева, а также продолжается и въ позднѣйшей литературѣ, когда появились многочисленные художники природы не только въ области ритмической, стихотворной поэзіи, но и прозаической. Здѣсь должны быть названы, прежде всего, такіе поэты, какъ Григоровичъ, Гаршинъ, Короленко,

Чеховъ и Горькій, а затѣмъ и болѣе ранніе: А. Толстой, Майковъ, Фетъ, Полонскій, Некрасовъ, Никитинъ и Плещеевъ. Но ни одинъ изъ этихъ писателей своими ландшафтами не создалъ эпохи въ исторіи русской литературы. Эта честь всецѣло принадлежитъ Тургеневу. Въ его произведеніяхъ развитіе художественнаго изображенія русскаго ландшафта достигло не только полнаго совершенства, но и величайшей красоты. Ландшафтъ Тургенева становится классическимъ и образцовымъ для позднѣйшей русской литературы, равно какъ и все его творческое искусство основывается на его пейзажѣ. Какъ художникъ природы, Тургеневъ является исходнымъ пунктомъ для молодыхъ русскихъ писателей, потому что такіе художники, какъ Короленко, Чеховъ и Горькій, въ области описаній природы уже шли по слѣдамъ Тургенева.

Частнѣе рѣшая вопросъ объ отношеніи Тургенева къ ландшафту въ западно-европейской и русской литературахъ, г. Salonen переходитъ къ третьему отдѣлу своего изслѣдованія, который называется—„Направленіе и развитіе ландшафта Тургенева“ (Его отношеніе къ ландшафту русскихъ и западно-европейскихъ художниковъ *). Въ началѣ своего литературнаго поприща Тургеневъ въ своихъ эстетическихъ взглядахъ слѣдовалъ основнымъ понятіямъ романтическаго идеализма, или точнѣе—байроническаго романтизма. Впрочемъ, прежде, чѣмъ подчиниться вліянію Байрона и его послѣдователей, Тургеневъ чувствовалъ влеченіе къ менѣе значительнымъ поэтамъ, какъ, напр., къ Бенедиктову. Но подъ вліяніемъ Бѣлинскаго, это увлеченіе скоро исчезло. Вліяніе байронической поэзіи на Тургенева проявилось въ двухъ отношеніяхъ: прежде всего, непосредственно, когда писатель прямо искалъ мотивовъ для своего творчества въ

---

*) 40—92.

поэзіи Байрона, а затѣмъ, черезъ посредство Лермонтова, этого ученика Байрона. Вліяніе байроническо-лермонтовской романіки было болѣе продолжительнымъ, чѣмъ увлеченіе поэзіей Бенедиктова, и это направленіе было въ то же время единственнымъ, которое запечатлѣлось въ его раннихъ произведеніяхъ, появившихся до 1847 года. Вмѣстѣ съ Байрономъ предметомъ поэтического увлеченія юноши-Тургенева были также и другіе писатели, какъ В.-Скоттъ, Шекспиръ и Гейне. Позднѣе вліяніе иностранной романтики смѣнилось у молодого Тургенева увлеченіемъ творчествомъ родныхъ ему поэтовъ: Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова. Особенно онъ безгранично восхищался двумя послѣдними. Въ то же самое время Тургеневъ не могъ быть равнодушнымъ и къ новымъ вѣяніямъ, которыя шли тогда съ Запада, именно, къ поэзіи Шиллера и Гете, а также къ философіи Шеллинга и Гегеля. Но, будучи большимъ западникомъ, онъ не остался безучастнымъ и къ литературнымъ явленіямъ своей родины и не могъ укрыться отъ вліяній родной литературы. Отъ байроническо-лермонтовскаго міросозерцанія онъ направился къ другому, также крайнему направленію: сентиментальному натурализму. Въ этомъ отношеніи онъ подвергся вліянію своего современника, другого геніальнаго романиста-Достоевскаго. Но Тургеневъ чувствовалъ крайности натурализма этого художника такъ же, какъ и недостатки байроническаго романтизма. Онъ предугадывалъ, что долженъ дать своимъ произведеніямъ новое содержаніе. Это вскорѣ и случилось. Въ своихъ знаменитыхъ „Запискахъ охотника“ Тургеневъ показалъ, что для своихъ литературныхъ способностей онъ нашелъ новый источникъ, новую собственную дорогу, на которой онъ и создалъ свою мировую извѣстность. Бросая общій взглядъ на литературную исторію этихъ рассказовъ, г. Salonen называетъ нѣкоторые художественные образцы;

которые въ томъ или иномъ отношеніи оказали извѣстное воздѣйствіе на творчество Тургенева, идущее уже въ этомъ новомъ направленіи. Въ числѣ писателей, имѣвшихъ извѣстное значеніе для Тургенева въ созданіи этого новаго теченія русской литературы, авторъ называетъ Гоголя, Ауэрбаха, Даля, Григоровича, С. Аксакова и др. Но по мѣрѣ того, какъ онъ становился зрѣлымъ въ своемъ художественномъ творствѣ, тѣмъ все болѣе и болѣе онъ начиналъ считать поэзію Пушкина образцомъ для своихъ собственныхъ художественныхъ замысловъ. Болѣе того: онъ смотрѣлъ на себя, какъ на ученика Пушкина, и оставался вѣрнымъ этому учителю до конца своей жизни. Но на ряду съ Пушкинымъ были еще и другіе поэты, современники нашего писателя, къ которымъ Тургеневъ также чувствовалъ извѣстное влеченіе. Сюда относятся—Тютчевъ, Фетъ и Полонскій.

Все болѣе и болѣе обращая свое вниманіе на природу и народъ своей родины, Тургеневъ, этимъ самымъ придавая своимъ произведеніямъ сильную національную окраску, стремился въ то же время согласовать духъ родной культуры съ образованностью Запада. Такъ онъ постепенно подходилъ къ наиболѣе замѣчательному періоду своей литературной дѣятельности, когда началъ описывать русское общество. Теперь слѣдуетъ время появленія большихъ романовъ и повѣстей, въ которыхъ главное вниманіе писателя сосредоточено на социальномъ положеніи русскаго общества. Но печальное состояніе русской общественной жизни того времени, по сравненію съ западно-европейской, между которыми лежала головокружительно глубокая пропасть, наполняло душу писателя пессимизмомъ, который подрывалъ у него вѣру въ свѣтлое будущее своей родины. Эта переменна во взглядахъ Тургенева была усилена затѣмъ пессимизмомъ Шопенгауера и далѣе—французскихъ рома-

нистовъ. Пессимистическая философія Шопенгауера казалась ему особенно подходящей къ печальнымъ явленіямъ въ соціальной жизни его родины и запечатлѣлась въ его произведеніяхъ тѣмъ, что онъ бралъ исключительно отрицательныя явленія изъ жизни русскаго общества и изображалъ типы героевъ какъ со слабой волей, такъ и совершенно безвольныхъ. Что же касается вліянія французской литературы въ лицѣ ея такихъ писателей, какъ Ж. Зандъ, Флоберъ и др., то, несмотря на то, что соприкосновеніе нашего писателя съ французскими представителями романческаго натурализма было довольно значительнымъ, онъ однако не впалъ въ крайности этого направленія. Онъ оставался художникомъ, реализмъ котораго былъ еще проникнутъ романтическими элементами, точнѣе—его реализмъ имѣлъ идеальную основу. Тургеневъ былъ такимъ художникомъ, который подражаніе дѣйствительности и полетъ художественной фантазіи умѣлъ согласовать между собою самымъ счастливымъ образомъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ представителемъ т. н. *художественнаго реализма*. И эта характерная черта общаго направленія въ его творчествѣ особенно опредѣленно проявляется въ его ландшафтѣ.

Далѣе слѣдуетъ главная часть изслѣдованія: „Пейзажи Тургенева“ *). Въ первой главѣ этого отдѣла, носящей названіе: „Общій взглядъ на пейзажъ“, г. Salonen опредѣляетъ основныя формы Тургеневскаго ландшафта. Общій характеръ пейзажа Тургенева всецѣло реалистическій, хотя въ то же время въ немъ всегда пробивались довольно опредѣленно черты романтическихъ настроеній. Тургеневъ описываетъ только такіе предметы и явленія природы, которые онъ самъ имѣлъ возможность наблюдать своими собственными глазами. Особенно опредѣленно его

---

*) 92—336 стр.

личное наблюденіе и вытекающее отсюда живое отраженіе дѣйствительности выступаетъ въ ландшафтѣ, который воспроизводитъ чисто русскую природу, когда онъ описываетъ господскіе дома, сады, аллеи, недалеко отъ дома расположенныя березовыя рощи и лежащія вдали лѣса. Изображая эти предметы, онъ всегда руководствовался тѣми образцами, которые онъ имѣлъ возможность изучать въ своемъ собственномъ имѣніи съ его огромными садами, парками, лѣсами, лугами и т. п. Поэтому его описанія и выходятъ такими объективными. Но не только ботаническія красоты родины влекли Тургенева къ природѣ, но также и другіе предметы родной природы возбуждали въ немъ большой интересъ, особенно же птицы, которыя были представлены на его родинѣ довольно богато. При этомъ и въ данномъ случаѣ характерною чертою его ландшафта является трезвый реализмъ, неприкрашенная дѣйствительность, пережитая самимъ писателемъ. Далѣе ландшафтъ Тургенева имѣетъ патріотическій характеръ: писатель оживляетъ его изображеніе глубокой любовью къ природѣ своей родины. Однако не слѣдуетъ думать, чтобы онъ оставилъ безъ вниманія естественныя красоты и другихъ странъ: напротивъ, въ произведеніяхъ Тургенева мы находимъ цѣлый рядъ картинъ природы чужихъ странъ, въ которыхъ онъ жилъ и по которымъ путешествовалъ. Чаще всего онъ описывалъ Германію. Природа Италіи также привлекала Тургенева, но сравнительно рѣдко онъ рисовалъ пейзажи Франціи. Несмотря на то, что большую часть своей жизни онъ пробылъ за границей, сравнительно небольшое количество мотивовъ для своего ландшафта онъ бралъ внѣ предѣловъ своей родины. Въ этомъ отношеніи онъ оставался по преимуществу писателемъ-патріотомъ. Пейзажи занимали значительное мѣсто уже въ его раннихъ произведеніяхъ, особенно въ его стихотвореніяхъ. Однако только въ его

знаменитыхъ „Запискахъ охотника“ ландшафтъ вступаетъ въ свои полныя права. Сравнительно рѣдко онъ встрѣчается въ его большихъ произведеніяхъ: въ романахъ и повѣстяхъ, въ которыхъ онъ рисуетъ ландшафтъ только тогда, когда этого требуетъ дѣйствіе. Часто Тургеневъ употребляетъ пейзажъ, какъ *вводную* часть въ то или иное произведение. Примѣры такого употребленія особенно многочисленны въ его „Запискахъ охотника“, но встрѣчаются они и въ другихъ произведеніяхъ. Кромѣ того, въ цѣляхъ художественно-эстетическихъ Тургеневъ иногда заканчиваетъ свои произведенія также описаніемъ ландшафта, прибавляя, такимъ образомъ, къ нему родъ художественнаго *эпилога*. Когда писатель пользуется пейзажами, то онъ не размѣщаетъ ихъ въ своемъ произведеніи произвольно: всегда принимаетъ во вниманіе художественное единство и законченность. Богатое разнообразіе ландшафтовъ въ произведеніяхъ Тургенева зависитъ отъ ихъ характера, отъ способа ихъ размѣщенія, отъ различія той связи, въ которой пейзажи стоятъ по отношенію къ дѣйствию и особенно къ дѣйствующимъ лицамъ. Кромѣ того, разнообразіе въ ландшафтахъ находится въ зависимости отъ того, должны ли они дать только ознакомительную картину мѣста дѣйствія, или же имѣютъ въ виду обрисовку какихъ-либо настроеній въ природѣ. Въ первомъ случаѣ получается т. н. *ориентирующий* ландшафтъ (*orientirende Landschaft*), въ послѣднемъ—*картина настроеній природы* (*Naturstimmungsbild*). Довольно часто писатель вставляетъ въ свои произведенія *видовыя картинки* (*Aussichtsbild*), которыми любятъ герои его произведеній. Изрѣдка онъ даетъ и такія описанія, которыя производятъ на зрителя отталкивающее впечатлѣніе. Вмѣстѣ съ этимъ онъ облачаетъ свои ландшафты и въ различныя другія формы. Такъ онъ украшаетъ свой пейзажъ т. н. *моментальными картинками* (*Momentbildern*),

другъ отъ друга совершенно независимыми и случайными. Въ другомъ мѣстѣ онъ даетъ различныя картины мѣстоположеній (Situationsbilder), въ которыхъ онъ помѣщаетъ своихъ героевъ.

Главное назначеніе ландшафта заключается въ томъ, что онъ изображаетъ обширный фонъ описываемаго дѣйствія, и въ такомъ именно смыслѣ Тургеневъ употребляетъ ландшафтъ болѣе всего. Но вмѣстѣ съ этимъ онъ обнаруживаетъ стремленіе переносить мѣсто дѣйствія во внѣшнюю природу, подъ открытое небо. Среди такой обстановки разыгрываются рѣшающія и окончательныя событія, какъ, напр., многочисленныя объясненія въ любви и пр. Среди природы проводятъ свое время—какъ самъ писатель, когда изображенія его носятъ автобіографическій характеръ, такъ и его герои: въ саду, въ лѣсу (именно, въ березовой рощѣ), на улицѣ во время прогулки, около моря и т. д. Всюду въ его произведеніяхъ открывается особенная склонность заставлятъ дѣйствіе разыгрываться въ предѣлахъ ландшафта. Это происходитъ даже и въ томъ случаѣ, если мѣсто дѣйствія сосредоточивается внутри дома, когда писатель описываетъ ландшафтъ, находящійся передъ домомъ, напр., черезъ открытое окно и пр. Чтобы событія могли развертываться на лонѣ простой природы, на свѣжемъ воздухѣ, но въ то же время и въ предѣлахъ пейзажа,—Тургеневъ выбираетъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ по большей части такихъ людей, которые живутъ въ деревнѣ, ведутъ свободную сельскую жизнь, какъ помѣщики (обычно—дворяне), члены ихъ семействъ, домашніе учителя, слуги и крѣпостные крестьяне. Событія разыгрываются тогда обыкновенно, особенно событія, изображенныя въ его повѣстяхъ и романахъ, недалеко отъ деревни или въ саду (и особенно часто—въ бесѣдкѣ), или же подъ тѣнью деревьевъ, или дальше—среди вольной природы. При этомъ мы встрѣчаемъ въ

произведеніяхъ Тургенева нѣсколько родовъ движенія, какъ основаній для ландшафта: прогулка, ѣзда верхомъ, поѣздка въ экипажѣ, прогулка на лодкѣ, путешествіе по желѣзной дорогѣ. Чаще всего онъ изображаетъ пейзажи при самомъ простомъ способѣ движенія, во время прогулки. Также часто Тургеневъ описываетъ и свои поѣздки въ экипажѣ и при этомъ дѣлаетъ такъ, что одинъ ландшафтъ слѣдуетъ за другимъ: то обыкновенный видовой пейзажъ, то живописный ландшафтъ, то мимолетная картинка. Когда же онъ изображаетъ прогулку верхомъ на лошади, то онъ всегда помѣщаетъ какой-нибудь пейзажъ рядомъ съ своимъ движеніемъ. Рѣже Тургеневъ описываетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ во время катанья на лодкѣ, но, когда онъ это дѣлаетъ, то всегда пользуется случаемъ, чтобы также представить какой-нибудь ландшафтъ. Еше рѣже писатель изображаетъ путешествіе на параводѣ или по желѣзной дорогѣ. Но и при этихъ немногихъ случаяхъ онъ всегда вставляетъ художественный пейзажъ. Изъ перечисленныхъ видовъ ландшафта большую трудность для писателя представляютъ т. н. живописные ландшафты (*stimmungmalende Landschaften*). Въ нихъ писатель изображаетъ отношеніе между ландшафтомъ и человѣкомъ и такимъ образомъ вступаетъ уже въ область психологическихъ описаній. При этомъ у него возможны два случая: или писатель ставитъ настроенія души человѣка и природы въ параллельное отношеніе другъ къ другу, или же допускаетъ противоположныя отношенія между ними. Что касается Тургенева, то онъ въ этомъ отношеніи достигаетъ удивительнаго параллелизма: душевная жизнь человѣка находится въ гармоническомъ соотвѣтствіи съ настроеніемъ ландшафта. Напротивъ, сравнительно рѣдко онъ употребляетъ такіе пейзажи, характеръ которыхъ находится въ полномъ противорѣчій съ внутреннимъ состояніемъ героевъ. Это онъ

дѣлаетъ тогда, когда имѣетъ въ виду нарисовать читателю трагическую судьбу своего героя.

Указанныя общія формы пейзажа отмѣчаютъ только наиболѣе характерныя моменты въ ландшафтѣ Тургенева. Матеріалъ этотъ слишкомъ великъ, чтобы дать исчерпывающее перечисленіе. Можно еще указать, что ландшафты Тургенева принимаютъ то сильно фантастическій колоритъ, то наивно-юмористическій и даже ироническій оттѣнокъ. Въ другихъ случаяхъ онъ даетъ ландшафтъ, какъ фонъ для думъ и размышленій; или онъ заставляетъ ландшафтъ дополнять характеристику дѣйствующихъ лицъ, именно, тогда, когда ихъ отношенія къ природѣ подробно не раскрыты. Иногда появляется пейзажъ на сцену, вызванный или воспоминаніемъ, или отдѣльнымъ эпизодомъ дѣйствія, или другимъ какимъ-нибудь ландшафтомъ. Изрѣдка художникъ самъ или его герои освѣжаютъ въ своей памяти уже ранѣе видѣнные ландшафты и т. д. и т. д.

Во второй главѣ того же отдѣла, названной—„Отдѣльные факторы пейзажа“ *), г. Salonen опредѣляетъ составныя части ландшафта. Онъ отмѣчаетъ, какое мѣсто занимаютъ и какую роль играютъ въ ландшафтѣ Тургенева свѣтъ, звукъ и движеніе въ природѣ (1. Licht, Klang und Bewegung in der Natur), время дня и года (2. Die Tages—und Jahreszeiten), водяные и горные ландшафты (3. Die Wasser—und Gebirgslandschaften), лѣсъ и степь (4. Wald und Steppe), культивированный ландшафтъ (5. Die kultivierte Landschaft) и, наконецъ, животныя (6. Tiere).

Обращаясь къ подробному изученію отмѣченныхъ частей въ ландшафтѣ Тургенева, г. Salonen устанавливаетъ слѣдующія наблюденія. 1. Свѣтъ, звукъ и движеніе въ природѣ. Тургеневъ изображалъ въ своемъ ландшафтѣ пре-

*) 138—291 стр.

имущественно такіе предметы и явленія, которые въ извѣстный моментъ доставляютъ зрителю особенную эстетическую привлекательность. Онъ намѣренно искалъ для своего ландшафта наиболѣе красивые моменты въ природѣ. Въ этомъ именно родѣ выступаютъ всѣ тѣ разнообразныя явленія, которыя производятъ *свѣтъ*, составляющій основное условіе всякаго эстетическаго впечатлѣнія. Поэтому свѣтъ и играетъ столь выдающуюся роль въ художественномъ изображеніи ландшафта. Свѣтовые мотивы принадлежатъ къ самымъ характернымъ въ пейзажѣ Тургенева. Но онъ изображаетъ только радостныя стороны свѣта. Онъ всегда рисуетъ ландшафтъ въ блескѣ сіяющихъ лучей. Даже *темноту* и *мракъ* онъ обыкновенно описываетъ, какъ фонъ для свѣтовыхъ явленій, чтобы тѣмъ самымъ свѣтъ приобрѣлъ болѣе фантастическія и болѣе привлекательныя формы. Очень рѣдко можно найти у Тургенева мѣсто дѣйствія, изображенное среди такой темноты, чтобы тамъ не было даже простого отсвѣта. Когда онъ описываетъ ландшафтъ, который не освѣщенъ дневнымъ свѣтомъ, то онъ прибѣгаетъ тогда къ другимъ свѣтовымъ явленіямъ. Такъ, онъ заставляетъ мѣсяцъ освѣщать темное небо, звѣзды мерцать блѣднымъ сіяніемъ, молнію разливать блескъ среди ночного ландшафта. Особенное же эстетическое значеніе свѣтъ имѣетъ, какъ „*освѣщеніе*“ (Beleuchtung) пейзажа, которое сообщаетъ ландшафту извѣстное единство и законченность. Съ другой стороны, оно придаетъ ландшафту опредѣленное настроеніе, характеръ котораго зависитъ отъ способа самаго освѣщенія: то оно является въ краскахъ нѣжнаго вечера, то свѣжаго утра. Тургеневъ обнаруживаетъ особенную склонность къ первому изъ этихъ мотивовъ. Но гдѣ есть свѣтъ, тамъ должны быть и цвѣта—краски: міръ предстаетъ передъ нашими глазами въ свѣтѣ и краскахъ.

Тургеневъ опять останавливается главнымъ образомъ

на свѣтлыхъ, радостныхъ краскахъ. Онъ описываетъ съ особеннымъ интересомъ въ своемъ ландшафтѣ *красочныя явленія* природы, которыя оживляютъ его, дѣлаютъ его болѣе разнообразнымъ и болѣе привлекательнымъ для читателя. Особенно благодарный матеріалъ для изображенія различныхъ свѣтовыхъ и красочныхъ явленій представляетъ *вечерняя заря*, которая распространяетъ эффектный свѣтъ и великолѣпныя краски. Этотъ чисто *романтический* мотивъ принадлежитъ къ числу очень любимыхъ Тургеневымъ. *Отраженіе свѣта въ облакахъ и водѣ* также является такого рода сюжетомъ, которымъ писатель пользуется съ большимъ расположеніемъ. Часто и охотно Тургеневъ рисуетъ разнообразныя отраженія и переливы солнечныхъ лучей на поверхности земли. Блескъ голубой лазури, отраженіе солнечныхъ лучей въ безконечномъ пространствѣ—вызываютъ въ душѣ писателя особенный восторгъ и приводятъ въ движеніе его поэтическую фантазію. Но постоянно Тургеневъ заставляетъ читателя направлять свой взоръ къ *небу*. При этомъ онъ обращаетъ свое вниманіе безусловно на всѣ обстоятельства, которыя опредѣляютъ тонъ красокъ для неба, какъ внѣшняго покрова мѣста дѣйствія: онъ изображаетъ не только погоду, время дня и года, но также и самую мѣстность. Лучшимъ доказательствомъ въ этомъ случаѣ являются тѣ пейзажи Тургенева, въ которыхъ онъ, рисуя южное небо, соблюдаетъ всюду мѣстный колоритъ. Обнаруживаетъ онъ также стремленіе описывать небо и чисто психологическимъ способомъ, а именно: выдѣляетъ то впечатлѣніе, которое оно производитъ на человѣка: или радостное, или печальное. Вообще Тургеневъ изображаетъ небо, какъ внѣшнее покрывало мѣста дѣйствія, распространяющее свѣтлый, нѣжно-голубой блескъ свѣта, что вполне зависитъ отъ общаго характера его ландшафта, рисующаго преимущественно радостные и свѣтлые мотивы. Рѣдко,